

Чтение в Харькове курса истории русского языка стимулировало обращение Н. Н. Дурново к проблемам сравнительно-исторического языкознания. Выходят такие его работы, как: «Записки по истории русского языка. 1. Фонетика и диалектология» (1912), «Записки по истории звуков русского языка» (1913, 1914), «Выписки из старинных памятников русского языка» (1913), (для них были заказаны в Историческом музее фотоснимки в натуральную величину [48, лл. 80—86], составлена «Хрестоматия по истории русского языка. Вып. 1. Памятники X—XII вв.» (1914). Названные труды послужили основанием для написанных в 20-х годах «Очерка истории русского языка» (1924) — [8] и «Введения в историю русского языка» (1927, изд. 2—1969) — [1]. Отличительной и привлекательной стороной обогащенного новыми примерами из памятников письменности «Очерка» стала реализация в нем провозглашенного в начале века А. А. Шахматовым принципа изучения истории языка во всей совокупности данных современного литературного языка, наречий и говоров, а также памятников письменности; показана методика изучения истории языка и описаны главнейшие ее источники — современный великорусский литературный язык в московском произношении, наречия и говоры восточнославянских языков. Здесь же было дано описание древнерусского правописания. Во «Введении в историю русского языка» — настольной книге не одного поколения историков языка — были четко сформулированы источники изучения истории русского языка: «1) вся письменность на р[усских] языках с ее возникновения до последнего времени, а также памятники на других языках, писанные русскими и отражающие в той или другой мере особенности р[усского] языка их авторов или писцов; 2) современные живые [русские языки] во всех их наречиях; 3) слова, формы и обороты, а частью и фонетические особенности, заимствованные другими языками из р[усского]; исторические свидетельства иностранцев о р[усских] языках». Наряду с очерком диалектологии и картой, уточненной им по сравнению с картой 1915 г. был дан обширный список различных памятников письменности, включая неизданные рукописи, с указанием их языковой и территориальной принадлежности и с приложением библиографии исследований.

Уже приведенный перечень работ Дурново свидетельствует об интенсивном, граничащем с подвижничеством труде ученого. Эта оценка не покажется преувеличением, если принять во внимание условия, в которых ему приходилось трудиться.

Отсутствие стабильной достаточно оплачиваемой работы, зависимость от нерегулярных гонораров, безденежье — спутники Н. Н. Дурново на всем протяжении его самостоятельной жизни. В дореволюционное время к этому добавлялось несоответствие материальных возможностей ученого тому жизненному укладу, который предписывался его сословной принадлежностью и общественным положением. И беды Н. Н. Дурново начались, вопреки бытующему представлению, задолго до советской власти. Не случайно в 20—30-х годах Н. Н. Дурново в воспоминаниях его младших современников предстает эрудированным, углубленным в науку, но замкнутым, трудным в общении человеком.

Дело в том, что в отличие от братьев (Михаил — учитель математики в гимназии в Рыбинске, Василий — штабс-капитан, ведающий передвижением войск на Московско-Сызранско-Пензенской железной дороге), имевших постоянное жалованье и, видимо, казенные квартиры, Н. Н. Дурново не имел ни собственной, ни казенной квартиры. Приват-доцентское жалованье в университете⁴, к тому же при неполной и непостоянной нагрузке, не обеспечивало нормальной жизни даже неженатого человека, и Н. Н. Дурново вынужден был преподавать еще в двух частных гимназиях. Работа в МДК велась на общественных началах. Лишь в 1906 г. Н. Н. Дурново, будучи ученым секретарем комиссии, получил стараниями А. А. Шахматова от Отделения русского языка и словесности стипендию в 900 руб. с ежемесячной выплатой «для поддержания научной деятельности» [85, л. 40].

⁴ У приват-доцентов была почасовая оплата работы.